Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2025. № 4 (309). С. 79–82.
Izvestia Voronezh State Pedagogical University. 2025. (4), 79–82.

Научная статья
УДК 371.3:374
DOI: 10.47438/2309-7078_2025_4_79

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА СОЗНАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С.Л. РУБИНШТЕЙНА КАК ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ Я-КОНЦЕПЦИИ СТУДЕНТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВОЕННОГО УЧЕБНОГО ЦЕНТРА

Евгений Александрович Митюков[1]

НИУ «Высшая школа экономики»[1]
Москва, Россия

[1]*Полковник запаса, преподаватель военного учебного центра НИУ ВШЭ,*
e-mail: evgen769mit@mail.ru

Аннотация. В статье представлены авторские размышления, основанные на принципе единства сознания и деятельности С.Л. Рубинштейна. Автор раскрывает я-концепцию как основное «внутреннее условие», через которое внешние требования преобразуются в осмысленные и инициативные действия. Используемые в работе формулировки «внутренний стержень», «осознанный выбор», «психологический чертеж бойца» и «стратегический регулятор деятельности» подчеркивают, что именно качество внутренней работы личности по присвоению внешних ценностей определяет конечный результат – превращение солдата из «винтика» в думающего и ответственного бойца.

Ключевые слова: я-концепция, профессиональная устойчивость, патриотизм, уверенность, решительность.

Для цитирования: *Митюков Е.А.* Принцип единства сознания и деятельности С.Л. Рубинштейна как основа становления я-концепции студента в образовательной среде военного учебного центра // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2025. № 4. С. 79–82. DOI: 10.47438/2309-7078_2025_4_79

Введение

Современная военно-политическая обстановка и активное применение инструментов гибридной войны обусловливают необходимость целенаправленного формирования духовно-нравственного состояния [1], ценностно-смыслового ядра я-концепции будущих военнослужащих. Это касается как курсантов военных образовательных учреждений, так и студентов, проходящих военную подготовку в гражданских вузах.

Отечественная система военной подготовки в гражданской высшей школе в настоящее время приближается к своему столетнему юбилею. На конференции «Военная подготовка студентов: возможности и перспективы развития на основе опыта специальной военной операции» (13–14 ноября 2025 года, г. Москва) названы были приоритетные направления развития системы военной подготовки: привитие студентам навыков поддержания высокого морально-психологического состояния, физической подготовленности и выживаемости на поле боя; развитие проектов военно-патриотической направленности студентов, обучающихся в военных учебных центрах; формирование у них активной жизненной позиции, создание условий для развития государственного мышления, отстаивания национальных интересов России и готовности к достойному служению Отечеству.

Особый исследовательский интерес представляет категория студентов гражданских вузов, проходящих подготовку в военных учебных центрах (ВУЦ). Уникальность их положения заключается в одновременном становлении я-концепции в двух различных образовательных средах – гражданской вузовской и военизированной среде (ВУЦ). В этом контексте студент сталкивается с необходимостью личностного самоопределения: интегрировать ли армейские ценности в смыслообразующее ядро своей личности либо отнести их к периферийным элементам самосознания, сохранив при этом прежнюю идентичность.

С методологической точки зрения этот процесс нельзя рассматривать как пассивное усвоение внешних требований. Это активная внутренняя работа, в которой личность выступает субъектом собственного становления. Образовательная среда ВУЦ создает необходимые педагогические условия для этого процесса, однако его результативность определяется

© Митюков Е.А., 2025

глубиной личностной работы студента по трансформации внешних военно-профессиональных требований во внутренние, осознанные убеждения, что и составляет суть интеграции новых ценностей в структуру я-концепции.

В ходе совместных дискуссий, семинаров и встреч с теми, кто реализует военно-политическую работу, в армии мы регулярно сталкиваемся с недооценкой значимости целенаправленного формирования я-концепции военнослужащего. Опираясь на методологический базис, разработанный классиком отечественной психологии С.Л. Рубинштейном (в частности, на его принцип единства сознания и деятельности), мы сформулировали ряд выводов, представлению которых и посвящена данная статья.

Результаты

Поведенческая психология с её акцентом на наблюдаемых реакциях и внешних стимулах предлагает соблазнительно простую модель образовательного процесса. В этой парадигме студент предстаёт сложной биологической машиной, а его обучение сводится к выработке «правильных» реакций на стимулы образовательной среды. С этой точки зрения я-концепция – это не более чем эпифеномен[1], побочный продукт нервной деятельности, не оказывающий существенного влияния на образовательные результаты. Однако этот подход, несмотря на кажущуюся строгость, оказывается методологически несостоятельным при серьёзном философско-психологическом анализе. Я-концепция не просто сопровождает деятельность: она является её внутренним содержанием, организационным началом и стратегическим регулятором. Эпифеноменальный подход к я-концепции – это упрощение, которое игнорирует ее системообразующую, причинную роль в становлении личности и регуляции деятельности. Признание я-концепции эпифеноменом означало бы, что все педагогические усилия по ее формированию бессмысленны, так как она не влияет на реальное поведение.

Поведенческий подход содержит фундаментальную методологическую ошибку: в его рамках качественно сложная человеческая деятельность редуцируется до совокупности элементарных реакций. При таком редукционизме игнорируется ключевое положение, сформулированное С.Л. Рубинштейном: «Один и тот же поступок один человек может совершать для того, чтобы помочь кому-нибудь, а другой – чтобы перед кем-нибудь выслужиться».

Рассмотрим двух студентов, внешне выполняющих одинаковую учебную деятельность: оба регулярно посещают лекции, сдают работы в срок, получают высокие оценки. С точки зрения бихевиоризма[2] это одинаково успешные модели поведения. Однако внутренняя психологическая реальность может быть диаметрально противоположной: первый студент действует из позиции «исследователя», его мотив – познавательный интерес, его цель – понимание, а не оценка; второй движим страхом неудачи, его мотив – подтверждение собственной состоятельности, его цель – формальный результат. Их внешне идентичная деятельность имеет разную внутреннюю природу, различное мотивационное наполнение и, что особенно важно, разный развивающий потенциал. Игнорировать это различие – значит игнорировать саму суть образовательного процесса.

Поведенческая парадигма редуцирует мотивацию до системы внешних подкреплений: положительных (оценки, похвала, поощрение) и отрицательных (угроза отчисления, академическая неудача). Однако такой подход не может объяснить множество феноменов. Почему студент выбирает более сложный путь решения задачи, когда существует простой и гарантированно успешный вариант? Почему некоторые студенты продолжают заниматься научной работой вне обязательной программы, без внешних стимулов? Почему академические неудачи одних мобилизуют, а других парализуют? Ответы на эти вопросы лежат в плоскости я-концепции. Как справедливо отмечал С.Л. Рубинштейн, «сознание человека – это свидетельство и производный компонент его реальной жизни. Содержание и смысл сознания… определяется контекстом жизни – реальными жизненными отношениями».

Я-концепция выступает системой смыслов, которая придаёт личностный смысл учебной деятельности («зачем мне это нужно?»); определяет критерии успешности и приемлемости результатов; задаёт уровень притязаний и амбиций; формирует отношение к трудностям и неудачам.

Особенно наглядно ограниченность поведенческого подхода проявляется в ситуациях академических неудач и кризисов. С позиций бихевиоризма неудача является негативным подкреплением, которое должно снижать вероятность повторения «неуспешной» деятельности. Однако на практике мы сталкиваемся с парадоксальным явлением: после провала на важном экзамене один студент действительно снижает академическую активность, тогда как другой лишь удваивает свои усилия. Объяснение этого парадокса лежит в сфере самовосприятия. Как писал С.Л. Рубинштейн, «переживание – это субъективная сторона реальной жизни, субъективный аспект жизненного пути личности».

Неудача, будучи пережитой, становится событием внутренней жизни. Её психологическое воздействие определяется не объективной тяжестью провала, а тем, как она вписывается в я-концепцию студента: для студента с устойчивой самооценкой неудача – это вызов, точка роста; с хрупкой я-концепцией – это подтверждение несостоятельности. Их последующая деятельность будет производной от этой интерпретации, этой коррекции образа «Я».

Основная ошибка бихевиоризма – метафизическое противопоставление внешнего (деятельности) и внутреннего (сознания). Принцип «единства сознания и деятельности», разработанный С.Л. Рубинштейном, предлагает методологическую альтернативу этому дуализму.

Я-концепция не существует в отрыве от практики: она формируется, проверяется и кристаллизуется именно в деятельности. Но, будучи сформированной, она сама начинает детерминировать характер и направленность этой деятельности. Это не линейная цепь «стимул – реакция», а диалектическая спираль ***«деятельность осмысление и рефлексия коррекция я-концепции новая, качественно иная***

[1] Эпифеномен – это побочный продукт или «тень» основного физиологического процесса, который не оказывает собственного причинного влияния на физические события, в том числе на поведение и другие психические процессы.

[2] Бихевиоризм (от англ. behavior – поведение) – это направление в психологии, которое изучает поведение объективными методами и считает его единственным правомерным объектом научного исследования психологии.

деятельность». Образовательный процесс в этой парадигме предстаёт не как дрессировка, а как событие, в котором происходит взаимная трансформация и деятельности, и сознания учащегося. Утверждать, что «главное – деятельность, а не внутреннее содержание», – это всё равно что считать главным в симфонии – нотные знаки, а не музыку. Образовательная деятельность студента – это не набор реакций, а исполняемая биография его «Я», стратегический проект самостроительства.

Игнорируя я-концепцию, мы не просто упускаем из виду некий эпифеномен: мы изменяем саму суть образования, которая является не тренировкой навыков, а становлением личности. Воспитание студента, способного к осмысленной, целеустремлённой и творческой деятельности, невозможно без целенаправленного формирования его зрелой, рефлексивной и аутентичной я-концепции. С помощью поведенческого подхода можно объяснить, как студент функционирует, но нельзя проанализировать, как студент развивается. А ведь именно развитие, а не просто функционирование, составляет конечную цель настоящего образования. Я-концепция – это не побочный продукт обучения; это его главный капитал и стратегический результат.

Я-концепция – это инженерный подход к созданию морально-психологического состояния личного состава. Мы же не просто даем им в руки автомат: мы учим его разбирать, чистить и эффективно применять. Также мы должны «настроить» их главное оружие – их собственную психику и волю. Наша задача – это не заменять боевую подготовку разговорами о высоком, а сделать так, чтобы приказы находили отклик в сознании человека, который понимает, кто он, зачем он здесь и почему он не имеет права сломаться. Это и есть та самая сила духа, которая решает исход боя. Именно развитая я-концепция – это и есть тот внутренний фундамент, на которой держится профессиональная устойчивость, патриотизм и решительность в бою. Я-концепция в данном контексте своего рода психологический чертёж бойца.

Что такое устойчивость? Это не просто умение стрелять. Это способность не сломаться под гнетом стресса, принять решение в условиях неопределенности, когда планы рушатся. Без я-концепции солдат с низкой самооценкой и размытым «Я», находящимся в стрессе, начинает паниковать, сомневаться в себе, его воля парализуется. Он исполнитель, пока всё идет по плану. С сильной я-концепцией боец, который понимает свои силы и слабости, который осознает свою роль и ценность («я – защитник, я – специалист»), в кризисной ситуации опирается на этот внутренний стержень: его психика не ломается, а мобилизуется, его устойчивость – это не броня, а внутренний стержень.

Патриотизм – это не просто формальная декларация, а глубокое личное чувство, способное выдержать испытания страхом, болью и лишениями. Как отметил Президент РФ Владимир Владимирович Путин на заседании Совета по межнациональным отношениям, подлинный патриотизм «означает воспитание любви к общему большому Отечеству, к России, при ясном понимании, что это значит для каждого, хочу это подчеркнуть, народа и этноса, проживающего на территории Российской Федерации». Глава государства подчеркнул, что сохранение общей Родины обеспечивает защиту интересов всех народов России и даёт уверенность в будущем. Такой подход раскрывает патриотизм как осознанную связь между личной идентичностью и общенациональными ценностями. Без сформированной я-концепции патриотизм рискует остаться поверхностным и неспособным противостоять критическим ситуациям. Истинный патриотизм рождается из ответов на экзистенциальные вопросы «кто я?», «что я защищаю?», «какова моя миссия?». Когда у человека отсутствует чёткое самоопределение, его патриотизм может оказаться «заёмным» и неустойчивым. Напротив, сильная я-концепция превращает патриотизм в осознанный выбор и неотъемлемую часть личности. Это переходит из плоскости внешнего долга («надо») в область внутренней убеждённости («не могу иначе, потому что это противоречит моей сути»). Такой патриотизм становится несокрушимой опорой, способной противостоять любым испытаниям и внешним вызовам, сохранять верность Родине как естественное проявление собственной идентичности.

Уверенность и решительность действий не появляются по приказу: они проистекают из внутренней убежденности. Без я-концепции уверенность может быть показной, основанной лишь на муштре. В ситуации, не регламентированной уставами и не отработанной на практических занятиях, такой боец может растеряться. С сильной я-концепцией уверенность рождается из самоэффективности – веры в то, что я могу справиться с этой задачей; боец, который понимает, ради чего он действует (ценностно-смысловой компонент), управляет своими эмоциями (эмоционально-волевой компонент) и осознает свои компетенции (деятельностно-практический компонент), действует не просто быстро, а адаптивно и инициативно. Он не уже «винтик»: он – думающий и ответственный боец.

Формирование подлинной, несокрушимой уверенности будущего военнослужащего – это не вопрос внешнего внушения. Как метко утверждал С.Л. Рубинштейн, «внешние причины действуют через внутренние условия». Именно сильная я-концепция и является тем самым главным внутренним условием, через которое приказы на выполнение боевых задач преобразуются в осознанные, инициативные и уверенные действия.

Выводы

Фундаментальный тезис С.Л. Рубинштейна *«единство сознания и деятельности или поведения основывается на единстве сознания и действительности или бытия, объективное содержание которого опосредует сознание, на единстве субъекта и объекта. Одно и то же отношение к объекту обусловливает и сознание, и поведение, одно – в идеальном, другое – в материальном плане. Этим в самой основе своей преодолевается традиционный картезианский дуализм»* наглядно демонстрирует, что «внешнее действует через внутреннее». Мы приходим к ключевому выводу: вся система военной подготовки – от строевой до тактической – достигает своей конечной цели лишь тогда, когда она находит прочный внутренний отклик в личности бойца. Этот отклик и есть я-концепция, структурированная вокруг ценностно-смыслового ядра («ради чего я действую»), эмоционально-волевой регуляции («как я управляю собой») и реализует практические задачи через деятельностно-практический компонент («что я могу делать»). Следовательно, целенаправленное становление я-концепции – это не отвлеченная чушь, а стратегическая педагогическая задача, прямо влияющая на боевую эффективность. Она превращает солдата из «винтика», способного действовать только по алгоритму, в думающего и ответственного бойца, чья

уверенность рождается не из страха, а из внутренней убежденности, основанной на самоосознании и профессиональной самоэффективности. Только в ходе сложной внутренней работы личности внешние требования долга и присяги превращаются в несокрушимую силу духа.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Белозерцев Е.П., Бунеева Е.В. Феномен духовно-нравственного становления человека в профессионально-педагогическом дискурсе // Духовно-нравственное становление Человека. Специальный курс: учебное пособие / под ред. Е.П. Белозерцева и А.Н. Махинина. Воронеж : Воронежская областная типография, 2024. С. 188–237.

2. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд. М. : АСТ ; Прайм-Еврознак, 2009. 811 с.

3. Духовно-нравственное воспитание военнослужащих: теория и практика / под ред. В.И. Филатова. М. : Военный университет, 2018. 264 с.

4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл; Academia, 2004. 352 с.

5. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. : Питер, 2003. 512 с.

6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Москва: Издательство АСТ, 2020. 800 с.

7. Стрижов Е.Ю. Психология гибридной войны: личность в условиях неопределенности и манипуляций // Национальная безопасность / Nota Bene. 2020. № 4. С. 1–12.

References

1. Belozertsev, E.P., Buneeva E.V. (2024) The phenomenon of spiritual and moral formation of a person in professional and pedagogical discourse. In: E.P. Belozertsev, A.N. Makhinin (eds.) Spiritual and moral formation of a Person. Special course: a textbook. Voronezh,Voronezh Regional Printing House JSC, pp. 188-237. (In Russian)

2 Meshcheryakov, B.G., Zinchenko, V.P. (eds.) (2009) A large psychological dictionary. Moscow, AST; Prime-Euroznak. 811 p. (In Russian)

3. Filatov, V.I. (2018) Spiritual and moral education of military personnel: theory and practice / Edited by. Moscow, Military University. 264 p. (In Russian)

4. Leontiev, A.N. (2004) Activity. Conscience. Personality. Moscow, Sense; Academia. 352 p. (In Russian)

5. Rubinstein, S.L. (2003) Being and consciousness. Man and the World. Saint Petersburg, Peter, 2003. 512 p. (In Russian)

6. Rubinstein, S.L. (2020) Fundamentals of general psychology. Moscow, AST Publishing House. 800 p. (In Russian)

7. Strizhov, E.Y. (2020) Psychology of hybrid warfare: personality in conditions of uncertainty and manipulation. National security / Nota Bene. (4), 1-12. (In Russian)

Поступила в редакцию 13.10.2025
Подписана в печать 30.12.2025

Original article
UDC 371.3:374
DOI: 10.47438/2309-7078_2025_4_79

THE PRINCIPLE OF UNITY OF CONSCIOUSNESS AND ACTIVITY BY S.L. RUBINSTEIN AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF THE STUDENT'S SELF-CONCEPT IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE MILITARY TRAINING CENTER

Evgeny A. Mityukov[1]

Higher School of Economics[1]
Moscow, Russia

[1]*Colonel of the reserve, teacher of the Military Training Center of the Higher School of Economics, e-mail: evgen769mit@mail.ru*

Abstract. The article presents the author's reflections based on the principle of the unity of consciousness and activity by S.L. Rubinstein. The author reveals the self-concept as the main "internal condition" through which external requirements are transformed into meaningful and proactive actions. The terms "internal core," "conscious choice," "psychological blueprint of a fighter," and "strategic regulator of activity" used in the article emphasize that it is the quality of an individual's internal work on assimilating external values that determines the final result–the transformation of a soldier from a "cog" into a thinking and responsible fighter.

Key words: self-concept, professional stability, patriotism, determination.

Cite as: Mityukov, E.A. (2025) The principle of the unity of consciousness and activity by S.L. rubinstein as the basis for the formation of a student's self-concept in the educational environment of a university center. *Izvestiya Voronezh State Pedagogical University*. (4), 79–82. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2025_4_79

Received 13.10.2025
Accepted 30.12.2025